

ЛЕКСИКОН

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕЗАУРУС*

К.Г. Исупов

ПЕТЕРБУРГ – «РИМ ЧЕТВЕРТЫЙ»

Исупов К.Г. Петербургский тезаурус. Петербург – «Рим Четвертый» // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 1. – С. 165–166.

© Исупов Константин Глебович – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: kgisupov@mail.ru

Для ранних панегиристов Новой Столицы несколько имен из списка мировых городов несли особый политический и религиозный смысл. Это Рим, Константинополь, Москва и Иерусалим. Первые три виделись воплощениями единого Вечного Града, последовательно развернутыми в истории христианского человечества. В 1767 г. М.М. Щербатов адресует Екатерине II «Плач Москвы о забвении ея». Это плач построен по правилам антично-византийской «плача Города» (известен анонимный «Плач о падении Константинополя» и сочинение Дуки с тем же названием; оба – XV в.). Прежде чем диалогически связать с Пб., образ Рима, вобравший в свои культурно-исторические объемы и Константинополь, и Москву, многократно расщепляется. Пб. есть новый Рим с общим для обеих столиц патроним-апостолом — св. Петром. В эпоху Петра Рим исторический был образцом неправой веры. Поэтому Пб., наследующий конфессиональный приоритет Москвы как «Третьего Рима», стал Новой Святой землей, из которой Москва видится столь же ветхой и исторически ненадежной ойкуменой, какой видится из Москвы Рим древних кесарей. «Создавалась парадигма идей, в которой Рим “папезный” и Москва допетровская объединялись в противопоставлении Петербургу — истинному Граду Святого Петра» (Лотман, Успенский, 242). Теократические амбиции Петербурга совпадают с его имперскими притязаниями на «Последний Рим» подлинного цезаризма, что откровенно фиксируется в римской эмблематике герба Петербурга (Вилинбахов). Начавшийся уже при Петре Великом процесс сближения имени первого русского императора с титулом кесаря (Петр=Август) и именем святого покровителя Пб. к середине XVIII в. превращает название «СПб»

в сакрально-цивильный оксюморон (как Города царственного и апостольского). В «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих...» (1756, дек.) публикуют «Похвала Петербургу» (подпись: А.Н.): «Ты Риму стал подобен»; Ф.О. Туманский, демонстративно указавший на обложке своего журнала «Российский магазин»: «Издается в граде Святого Петра», открыл первый номер (1792) описанием Пб. Комментаторы ранних имен Новой Столицы настаивают на варианте «Петрополь», т.е. на «имени, которым Головин первоначально “окрестил” новый городок на берегах Невы: это греко-византийское название “Петрополь” сроднее и ближе русскому слуху, чем чуждый ему шведско-голландско-немецкий “Санкт-Петербург”» (Голицын, 10). Преемственность Второго Рима и Петрополя осознавалась народным сознанием через мифологию основания Константинополя: легенда об орле, указавшем «великому и равноапостольскому царю Константину <...> во время шествия от Халкидона водою до Византии» место для города, напрямую связывалось с подобным эпизодом в легендах об основании Петербурга (Есинов, 836). Москвичам после переворота 1762 г. пришлось выслушать от Екатерины II попреки в утрате «virtus» утерятой Москвой статуса столицы: «Говорят, <...> что [Пб.] менее, чем Москва, подходит для господства над империей и что это предприятие Петра Великого похоже на предприятие Константина, который перенес в Византию престол империи и покинул Рим, [причем] римляне не знали, где искать свою отчизну, и, так как они не видели более всего того, что в Риме воодушевляло их усердие и любовь к отечеству, то их доблести мало-помалу падали и, наконец, совершенно уничтожились» (Коваленский, 166-7). Гостивший у императри-

* Продолжение. Начало – см. № 1'2015, с. 175–176.

цы Дидро не удержался от совета обнести Пб. поясом стен, «достойным римлян». «Четвертый Рим» манифестирует себя обилием романской архитектуры: храм Воскресения (Спас-на-Крови) рифмуется с московским Покровским собором (Василия Блаженного); он выведен по горизонтальной линии Екатерининского канала на семантическое сближение с римской колоннадой Казанского собора, столь же открыто рифмующегося с центральным символом католического мира – собором св. Петра. Псевдоримская шкатулка Конногвардейского манежа (Дж. Кваренги, 1804–1807), снабженная позднее мраморной группой Диоскуров, пришедших под колонны портика в Капитолийского холма в Риме, сообщала своим обlikом не только о том, что перед нами крытый ипподром (противоречие между фасадом и функцией сооружения). В «отрывке» петербургского цикла Н. В. Гоголя «Рим» (1842) антитеза «Рим/Париж», переосмысливается как «Москва / Пб.». Со временем «Град Обреченный» (эссе Д. Аркина, 1917) суммирует в себе символы Страшного Суда и конца Света, Четвертого Рима и Вавилона. В очерке Л.

Нелидовой «Единственный случай» (1982) скажут: «Да что вы все Петербург, Петербург! Четвертый Рим! Но где, скажите вы мне на милость, в каком Вавилоне..?» Для К.Н. Леонтьева Пб. в худшем случае, – это анти-Рим, а в лучшем – гигантская мировая компиляция, причем вторичного происхождения. Чем чаще припоминали москвичи о Москве – Третьем Риме, тем больший ужас внушала дьявольской помощца из ничего возникшая Невская Столица, грозившая обернуться Римом Четвертым. В раннем эссе «Лицо России» (1918) его автором сказано: «Возвращаясь из Рима, мы впервые с дрожью всматриваемся в колонны Казанского собора, средневековая Италия делает понятной Москву» (Федотов, 4). Как А. Захаров и К. Росси создали римскую архитектуру Империи, так и Н.М. Карамзин, полагает философ в статье «Россия Ключевского» (1932), заставил героев ее истории говорить языком классической древности. В романе Ф. А. Степуна: «Какой великий, блистательный, несмотря на свою единственную в мире юность, какой вечный город. Такой же вечный, как сам древний Рим» (Степун, 328).

Лит.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Великого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык Средневековья. М., 1982; Вилинбахов Г.В. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Семиотика города и городской культуры (Труды по знаковым системам. XVIII). Тарту, 1984. С. 46–55; Голицын Н.В. Петербург или Петрополь? СПб., 1903; О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга / Публ. Г.В. Есинова (Русский архив. 1983. № 10–11); Логачев К.И., Соболев В.С. Описание Санкт-Петербурга. Препринт. Л., 1987; Москва в истории и литературе / Сост. Н. Коваленский. М., 1916; Федотов Г.П. Лицо России. Париж, 1967; Степун Ф.А. Николай Переслегин. Париж, 1929.